

Кадзума шёл уже долго. Без карты ему оставалось лишь искать реку. Не имея при себе даже часов, он бережно прижимал к груди младенца, мысленно отсчитывая секунды и высматривая среди зарослей низины.

Хищники встречались часто, но, к счастью, даже самые свирепые твари при виде Кадзумы дрожали и бросались наутёк. Не стал исключением и огромный медведь. Случись им сойтись в схватке, ещё неизвестно, кому пришлось бы притворяться мёртвым.

Кадзума не питал к ним злобы, наоборот, находил лесных обитателей довольно милыми и вредить им не собирался. Он даже думал пойти за ними следом к водопою, но при виде их панического страха оставил эту затею.

Он и не подозревал, что «матерью», породившей их с братом, был древний проклятый дух — порождение скорби и злобы женщины, потерявшей дитя. Эта слепая ненависть заставляла тварь ловить людей и заталкивать их в своё чрево, тщетно пытаясь дать им новую жизнь.

Но разве могли смертные выжить внутри чудовища? Они лишь погибали, порождая новых проклятых духов и злобу. Несчастливая тварь трудилась впустую, превратив собственную утробу в жуткий рассадник, где запертые паразиты пожирали друг друга в борьбе за выживание.

Неокрепшие проклятия теснились в утробе, деля жалкие крохи энергии и пожирая слабейших сородичей ради крупниц силы. При этом они оставались заперты внутри, подавляемые волей материнского духа.

Так продолжалось до тех пор, пока жертвой суеверий не пала беременная двойней женщина с огромным животом. Проклятый дух отыскал её безжизненное тело и поглотил, сию же минуту завершить своё извращённое таинство родов.

Никто не мог предвидеть, что даже после гибели матери младенцы уцелеют. Более того, когда их затянуло в утробу проклятия, первенец — тот, кто выбрался первым, — умудрился сожрать всех обитавших внутри паразитов. Он превратился в жуткое, противоестественное существо, в котором человеческая кровь и природа проклятия слились в хрупком, зыбком равновесии.

После их «рождения» блуждающий дух несостоявшейся матери наконец утолил свою тоску и растворился без следа.

Из-за этого зловещая аура, исходившая от тела Кадзумы, оказалась столь плотной и тяжёлой, что от него в ужасе бежали не только дикие звери, но и случайно забредавшие в эти края проклятия.

Отсчитав больше десяти тысяч секунд, Кадзума наконец услышал журчание воды. Спустившись вдоль течения, он наткнулся на жильё.

Впрочем, назвать это жильём было преувеличением. Наспех сколоченная хижина из веток и соломы казалась настолько ветхой, что могла рухнуть от любого порыва ветра. Кадзума даже постучать побоялся в полную силу.

Он хотел попросить у хозяев хоть какой-нибудь лоскут ткани, чтобы обтереться, но внутри никого не оказалось — видимо, ушли на работу.

Кадзума замялся, чувствуя, как к щекам приливает краска смущения, и неловко переступил с ноги на ногу. Но, глянув на спящего младенца, он всё же решился.

Проскользнуть внутрь не составило труда. Ему многого не требовалось — всего лишь кусок чистой ткани.

И он, и его маленький брат были покрыты липкой, вязкой слизью, так что обоим требовалось срочно искупаться. Солнце стояло высоко, приятно прогревая речную воду, но Кадзума всерьёз опасался, что неокрепший младенец может простудиться, если его вовремя не обсушить.

В этих диких краях обычная лихорадка легко могла стать смертным приговором.

Кадзума совершенно позабыл о том, с каким аппетитом этот кроха только что поглощал проклятых духов. Сейчас малыш казался ему беззащитным комочком жизни, который он был обязан оберегать любой ценой.

Судя по убранству, в хижине жил ребёнок или небогатая семья с детьми — многие вещи лежали совсем низко. Чувство вины закололо сердце Кадзумы с новой силой, но выбора не оставалось.

На постели он нашёл грубый, но чистый холст. Решив, что вытрет брата, постирает ткань и вернёт на место, Кадзума отвесил несколько глубоких поклонов пустой комнате, мысленно пообещав однажды щедро отблагодарить хозяев за это спасение.

Забрав холст, он поспешил обратно к реке.

Первым делом он набрал гибких веток, тщательно очистил их от коры и сучков, чтобы не поцарапать нежную кожу младенца, и сплёл небольшую корзинку.

Бережно обмыв и вытерев малыша, он уложил его в самодельную колыбель. После этого искупался сам и тщательно выстирал украденный холст.

Когда всё было готово, он вернулся к хижине и аккуратно положил чистую ткань туда, откуда взял.

С гигиеной было покончено, но тут же встал другой, куда более насущный вопрос: на них обоих не было ни клочка одежды.

Кадзума попытался сплести из веток, гибких лиан и листьев некое подобие набедренной повязки, чтобы прикрыть наготу. Но он не принадлежал этой эпохе; если с корзиной он ещё кое-как справился, то создание одежды давалось с трудом. Его «наряд» получился настолько хлипким, что грозил рассыпаться от любого резкого движения.

Как-то раз от скуки он смотрел документальный фильм о древней истории, где ведущий упоминал, что в стародавние времена одежда — особенно тёплая — ценилась на вес золота. Он не решался воровать столь ценные вещи, но надеялся хотя бы попросить у местных. Вдруг кто-то сжалится?

Погода пока стояла тёплая, так что сам он в защите от холода не нуждался, ему нужно было лишь прикрыть тело. А вот братишке требовалось что-то мягкое и тёплое. Малышу много ткани не надо. Вдруг найдётся добрая душа, готовая поделиться лоскутом?

Однако, проходя мимо крайних лачуг, он не встретил ни души. Судя по обстановке, дома не были заброшены — хозяева просто отлучились куда-то всей гурьбой.

Кадзума шёл дальше, пока до его слуха не донёсся отдалённый гул голосов.

«Неужели у них тут какой-то праздник?» — подумал он с любопытством. Было бы интересно взглянуть на забавы древних людей. Сгорая от нетерпения, но стесняясь своего сомнительного листовенного наряда, он затаил дыхание и осторожно подобрался поближе, скрываясь в зарослях.

Перед его глазами предстала жуткая картина: посреди толпы лежала связанная маленькая девочка, которую ожесточённо избивали.

Кадзума опешил.

«И это у них называется развлечением?!»

Лезть напролом без разбору могло только навредить, поэтому Кадзума затаился и стал прислушиваться к крикам разъярённых крестьян.

Как оказалось, соседнюю деревню вырезали разбойники. Девчушке чудом удалось уцелеть, и она прибилась к этому селению. Местные чужаков не жаловали, но, видя, что она послушно устроилась на самом отшибе у леса, где часто рыскали дикие звери, терпели её присутствие.

Но сегодня один из жителей увидел, как она свалилась в реку. Когда её вытащили на берег, она не дышала, однако через мгновение внезапно открыла глаза и задышала снова.

Решив, что перед ними нечисть, перепуганные люди попытались утопить её снова. Но сколько бы её ни держали под водой, она упорно отказывалась умирать.

Паника захлестнула толпу. Они связали её и принялись нещадно избивать, пинать ногами, словно насилие могло заглушить их собственный суеверный ужас.

На бедняжку посыпались обвинения во всех бедах, больших и малых, что приключились с деревней за последнее время. Крестьяне уверяли друг друга, будто небеса карают их за укрывательство монстра. Кое-кто даже выкрикивал, что это она навлекла разбойников на соседнее село.

О каких сомнениях могла идти речь? Слушая, как взрослые мужики спорят, каким изощрённым способом добить пятилетнюю малышку, Кадзума понял: если он сейчас промолчит, то грош ему цена.

Но шумно явить себя миру, рассыпав по дороге все листья и представ перед толпой в абсолютно голом виде, тоже казалось сомнительной затеей.

Кадзума лихорадочно соображал. Младенец на его руках, сытно пообедавший проклятиями, мирно посапывал.

И тут ему в голову пришла отличная мысль.

Воздух вокруг внезапно остыл. Поляну начал заволакивать клубящийся чёрный туман. Стоявшие с краю крестьяне первыми почувствовали, как ледяной озноб пробирает их до самых костей. Оглянувшись, они оцепенели: из лесной чащи медленно выплывал жуткий призрачный силуэт.

Истошный крик разорвал тишину. Те, кто стоял впереди и ничего не замечал, испуганно обернулись — и тоже замерли от ужаса при виде наступающего привидения.

— Призрак! Спасайтесь, это злой дух! — завопила толпа, напрочь позабыв о своём «правосудии». Люди в панике бросились врассыпную, ломая кусты и спотыкаясь на ходу.

Призрак не обратил на бегущих никакого внимания. Он медленно, шаг за шагом, приближался к лежащей на земле девочке.

Кадзума, пустивший в ход проклятую энергию ради этого представления, придерживал братишку одной рукой, а вторую протянул к бедняжке. Поляна опустела. Связанная девчушка широко распахнула глаза, но не делала попыток вырваться — то ли онемела от шока, то ли смирилась с судьбой.

Одним движением острого ногтя Кадзума перерезал путы. Он осторожно коснулся глубоких

ссадин и синяков на её теле — и раны девчушки мгновенно затянулись, бесследно исчезнув, перейдя на его собственное тело.

Кадзума даже бровью не повёл от боли. Он лишь мягко улыбнулся и помог ей подняться.

— Ты как? Ничего не болит?

Поняв, что этот странный гость спас её, девочка тихо проронила:

— Спасибо.

На вид ей было лет пять, не больше. Спутанные длинные волосы падали на плечи. Из-за крайней истощённости и недоедания она казалась совсем крошечной, а грубое тряпье висело на ней мешком.

По сравнению с ухоженным младенцем Кадзумы, она выглядела настоящим дикарём — и не только внешне, но и по той яростной, упрямой жажде жизни, что горела в её глазах.

— Ты вообще кто такой? — спросила она напрямую, без тени страха.

— Обычный человек. Такой же, как и ты, — спокойно ответил Кадзума.

— Больше похож на тех проклятых тварей, что рыщут в лесу.

— На проклятия? — Кадзума знал об этих местных чудовищах из игровых трейлеров и понимал, кого именно встретил в чаще. Но себя и брата монстрами не считал. — Нет, я просто владею парой трюков.

«Я ведь всё-таки игрок. Вполне естественно иметь парочку преимуществ перед местными неписями!» — мысленно усмехнулся он.

Заметив её недоверчивый взгляд, Кадзума вздохнул:

— И ты меня совсем не боишься?

Девочка на мгновение замолкла. Её взгляд потускнел, и она глухо отозвалась:

— Люди куда страшнее любых проклятых тварей.

— Зачем ты мне помог?

— Возвращаю долг, — мягко ответил Кадзума. — Та хижина на отшибе ведь твоя? Я взял оттуда кусок ткани. За каплю помощи принято платить целым океаном, так что считай это моей благодарностью.

— Станный ты, — пробормотала она.

Кадзума ободряюще коснулся её плеча.

— Как тебя зовут?

— Можешь звать меня А-Си. А тебя?

У простых людей в древности не было фамилий.

— Я своё ещё не выбрал. Зови пока Сидзу, — отозвался он. Немного подумав, он добавил: — Пойдёшь со мной? Или хочешь, чтобы я отвёл тебя в другую деревню?

Кадзума понимал, что в его нынешнем положении вешать на себя заботу о ещё одном ребёнке — безумие, но и бросить А-Си здесь он не мог.

Малышка оказалась на редкость решительной.

— Я пойду с тобой, — отрезала она. — Здесь меня всё равно рано или поздно забьют до смерти. И в другие деревни соваться нет смысла. Стоит им узнать о моих... способностях, всё повторится сначала. С тобой надёжнее.

— Пришлось же тебе натерпеться...

Кадзума ласково погладил её по голове. А-Си вздрогнула от неожиданности — никто прежде не относился к ней с такой теплотой. В её глазах промелькнуло недоверие, но руку она убирать не стала.

Когда они уже собирались покинуть деревню, девочка вдруг остановилась.

— Погоди! — Она замялась, но продолжила: — Давай зайдём во второй дом с южной стороны. У них есть хорошая одежда, заберём её.

Она смерила его взглядом с ног до головы.

— Твой лиственный наряд развалится при первом же шаге. А ночью станет холодно, мелкому нужно во что-то кутаться.

Кадзума неловко кашлянул и согласился.

Он прекрасно понимал, что девчонкой движет упрямая детская жажда мести, но мешать не стал. Они прошлись по домам, прихватив тёплые вещи и припасы. Напоследок изрядно напугали оставшихся жителей, заставив тех в слезах вымаливать пощаду, и наконец покинули деревню.

Так А-Си стала жить с ними. В отличие от младшего брата Кадзумы, питаться проклятыми духами она не могла. Кадзуме приходилось охотиться, чтобы раздобыть для неё нормальную еду.

Но лесное зверьё разбегалось от него в панике. И хотя Кадзума легко мог настичь любую добычу, в последний момент ему становилось жаль животных, и он позволял им ускользнуть. Видя это, А-Си принялась сама учиться охоте, перенимая его движения.

Поначалу её добычей становились лишь мелкие грызуны, которые в ужасе цепенели перед Кадзумой, притворяясь мёртвыми. Но со временем, вспомнив прошлый опыт выживания у реки, А-Си наловчилась ловить рыбу и ставить силки.

К счастью, хоть сам Кадзума и не мог лишить животное жизни, мешать ей он не пробовал. Иначе её терпение точно подошло бы к концу.

Его же её недовольство искренне удивляло.

— Тебе нужно есть мясо, чтобы выжить. С какой стати мне лишать тебя этой возможности?

А-Си лишь кривила губы и ворчала, что он ненормальный: вырос в глуши, а страдает от излишней стыдливости и глупой жалости к дичи.

Кадзума лишь разводил руками — объяснять природу своих «причуд» было слишком сложно.

Дети растут быстро, но младший брат развивался с какой-то пугающей скоростью. Меньше чем за месяц младенец превратился в пятилетнего ребёнка, догнав по росту А-Си.

Когда А-Си впервые увидела, как Кадзума скормливает малышу проклятых духов, она едва не лишилась дара речи от ужаса. Теперь же, наблюдая, как мальчик растёт не по дням, а по часам, она лишь безучастно хлопала в ладоши и выдавала сухое: «Потрясающе».

Человек ко всему привыкает.

Минуло два года. Всю мелкую нечисть в округе Кадзума переловил и скормил брату. От слабых, низкоранговых проклятий пользы больше не было, и физический рост младшего

остановился, когда тот внешне достиг примерно двенадцатилетнего возраста.

Без издевательств и голода, окружённая заботой Кадзумы и компанией его брата, А-Си окрепла и расцвела. От прежней измождённой замарашки не осталось и следа; теперь она носилась по лесу весёлая и бодрая, словно дикий заяц.

Кадзума время от времени наведывался в соседние селения для обмена вещами. Он избавлял крестьян от проклятых духов, А-Си приносила ценную дичь, так что местные, если только не были совсем дикими от страха, охотно шли на сделку.

Впрочем, вся их троица выглядела для деревенских крайне подозрительно. Самой нормальной среди них казалась А-Си, которая в свои неполные восемь лет умудрялась притаскивать на продажу туши заваленных ею тигров.

Постепенно среди селян поползли слухи, будто в лесной чаще обосновались трое жутких монстров. Никто не знал, откуда они взялись, поговаривали даже, что это брошенные полукровки-ёкаи. Перешёптывались, что раз в лунный цикл они приходят к людям меняться товарами, и горе тому, кто откажет им в сделке — несчастного утащат в чащу и сожрут живьём.

Кадзума, стоя в тени раскидистого дуба у самой кромки леса, лишь тяжело вздыхал, слушая эти бредни. И что они такого ужасного сделали?

С другой стороны, после распространения этих басен торговаться с ними перестали вовсе, соглашаясь на любые условия.

В один из дней, когда Кадзума собирался отправиться в дальнейшее селение, до его слуха донёсся тихий шорох шагов. Сперва он не придал этому значения, решив, что это кто-то из местных дровосеков.

Крестьяне порой забредали на окраину чащи за хворостом или силками на зайцев. Глубоко в лес они не совались, опасаясь хищников. Пару раз Кадзуме даже доводилось вытаскивать незадачливых охотников из лап диких медведей.

Но эти шаги стремительно приближались. Незнакомец шёл быстро, уверенно и направлялся напрямик к их стоянке!

Грудь Кадзумы сдавило тяжёлым, прежде неведомым предчувствием опасности. Схватив А-Си и брата под мышки, он уже приготовился сорваться с места и бежать без оглядки, но не успел.

С сухим треском раздвинулись густые ветви кустарника, и перед ними предстал незванный гость.

Солнечный свет едва пробивался сквозь плотный купол крон, но те редкие лучи, что достигали земли, ложились яркими бликами на белоснежные, словно сияющие изнутри волосы незнакомца. Он был облачён в роскошное, расшитое золотом шёлковое хаори, приличествующее лишь высшей знати. Каким-то чудом дорогая ткань осталась безупречно чистой и сияющей даже после долгого пути через лесные дебри.

Но по-настоящему завораживали его глаза. Огромные, пронзительно-синие, словно в них раскинулось само бескрайнее весеннее небо. Кадзума никогда в жизни не видел такой неземной красоты. В этих чистых лазурных омутках отражался только он сам, будто для этого человека весь остальной мир в одно мгновение перестал существовать.

Оба застыли, не в силах шевельнуться, и долго, затаив дыхание, всматривались друг в друга.

<http://bllate.org/book/18335/1760497>